ГРАНИ ВРЕМЕНИ

"Луговой живет с печатью убийцы"

Мумин Шакиров

29 ноября 2026

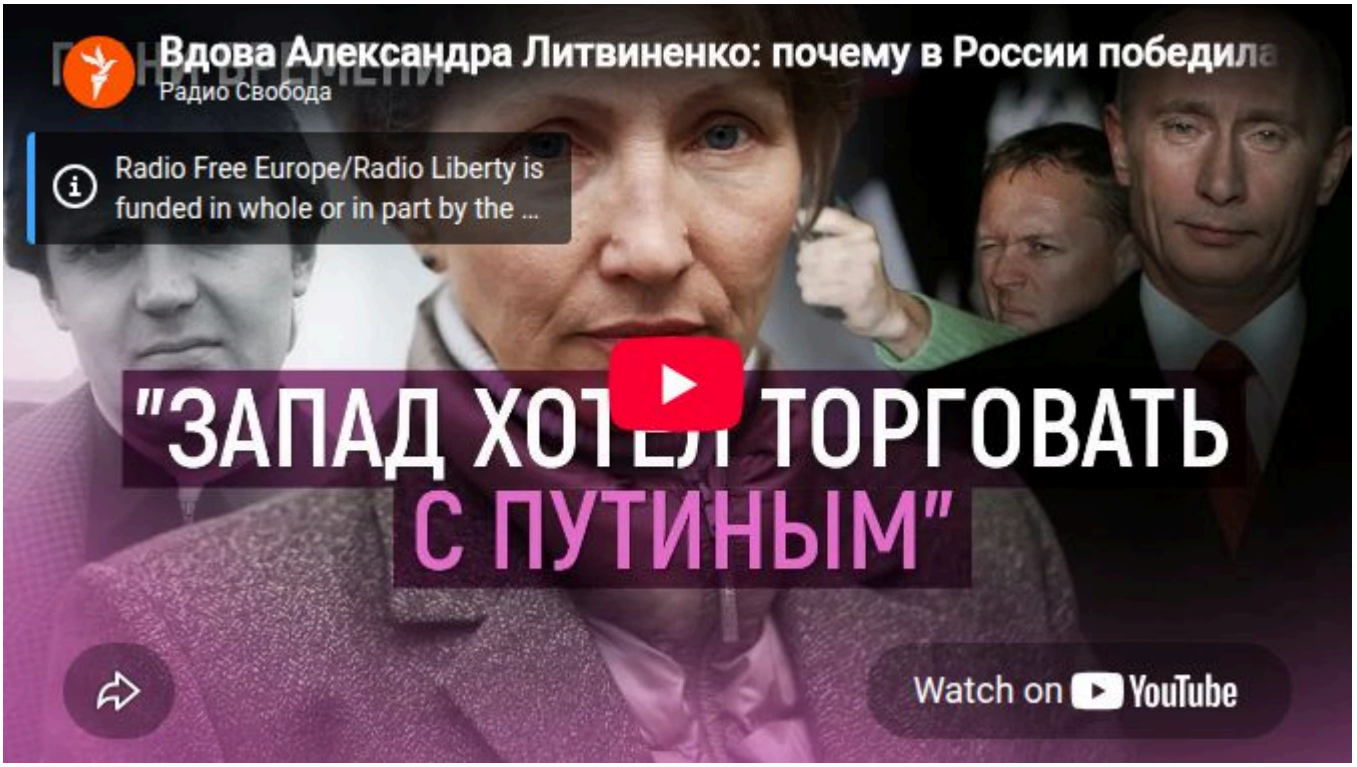

Коллаж: Марина Литвиненко, Александр Литвиненко

Интервью с вдовой Александра Литвиненко

Настоящий материал (информация) произведен, распространен и(или) направлен иностранным агентом Шакировым Мумином Шакировичем, либо касается деятельности иностранного агента Шакирова Мумина Шакировича. 18+

1 ноября 2006 года бывший офицер ФСБ Александр Литвиненко выпил чашку зелёного чая с полонием-210 в баре гостиницы "Миллениум" в Лондоне. Через три недели он умер от радиационного отравления. Прошло 20 лет, и всё это время Марина Литвиненко пытается добиться правды.

– Вспомните тот день, когда вы поняли, что надо бежать из страны, иначе вашего мужа, сотрудника ФСБ, арестуют или устранят.

– Саша мне об этом не говорил. Я вообще не была в курсе, что ему поступают угрозы. Саша сам принял решение, что нас надо спасать, надо уезжать. Когда он якобы поехал встречаться со своими родителями в Нальчик, в Кабардино-Балкарию, я через некоторое время получила звонок: мне нужно взять билеты и поехать отдохнуть в Испанию. Без всякого серьёзного разговора о том, что это побег. Я не знала об этом, пока мы не полетели. Сыну было шесть лет. Мы оказались в Испании, и там уже начался серьёзный разговор о том, что мы не возвращаемся.

– А про встречу с Путиным он подробно рассказывал? Вы задавали вопросы или он сам приходил и делился?

– Он сам пришёл и рассказал. Я знала, что он пошёл встречаться с Путиным. На тот момент их всех вывели за штат. Они не работали, потому что ситуация была критическая. Конечно, он мне это рассказывал. Но давайте вспомним, что после этого его посадили в тюрьму. Это было наказание за то, что Саша выступил открыто.

– После пресс-конференции 1998 года?

– После пресс-конференции прошло три месяца. В марте 1999 года его арестовывают по обвинению в превышении служебных полномочий: якобы он

избил человека, который уже второй год сидел в тюрьме. Конечно, ситуация вокруг Саши сгущалась. Это было не единственное уголовное дело, которое против него открыли. Против него открывают второе дело после того, как военный суд признал его невиновным. Это второе дело тоже пришлось прекратить: он даже не находился в Москве, когда произошло это так называемое преступление. Против него открывают третье дело, каждый раз давая понять, что его посадят в тюрьму. И насколько долго – никто не предполагал. Это был первый опыт, когда тебе устраивают такую карусель. В этот момент Саша понял, что всё очень серьёзно. Путин уже становится президентом, это 2000 год. Его отношения с Березовским моментально прекращаются, потому что Путин тут же начинает менять все правила, которые были установлены Борисом Ельциным. Березовский, избранный депутатом Думы от Карачаево-Черкесии, объявляет войну Путину. Он так и сказал: "Я не буду соглашаться". Саше стало понятно, что против него будут брошены все силы. Более того, он начал получать угрозы в адрес меня, сына, членов его семьи, которые тоже за всё ответят.

– В 1998 году – первая пресс-конференция Александра Литвиненко в "Интерфаксе". Потом была книга "ФСБ взрывает Россию", где он обвинил спецслужбы во взрывах домов. Затем – "Лубянская преступная группировка", в которой подробно описывается внутренняя кухня Кремля и бандитского мира, связанного со спецслужбами. Какой из этих этапов стал той точкой, после которой Лугового отправили для ликвидации Александра Литвиненко? Вы задавали себе вопрос, где была красная линия?

– Я думаю, всё накапливалось одно за другим. Саша был открытым критиком. Он не был каким-то двойным агентом, каким его пытаются представить, который получил возможность жить в другой стране, спрятаться и не высовываться. Он выступал с открытым забралом. Начал писать много статей в интернете, ему предоставил эту платформу "Чечен-пресс". Его дружба с Ахмедом Закаевым никогда не была тайной. В своих статьях он резко обвинял Путина, сравнивал его с Гитлером.

Мне тогда это казалось ужасным. Да, Путин был ужасен, но мне казалось, что этим мы как-то нивелируем преступления нацистов во время Второй мировой войны. Для меня Гитлер оставался страшным явлением. Сейчас мы понимаем, что это явления одного порядка, а Саша увидел это уже тогда. Потом, когда во время прогулки по Кремлю Путин совершенно неадекватно отреагировал на маленького мальчика – остановился перед ним, поднял майку, поцеловал его в живот, – Саша написал статью о Чикатило и педофилии.

Это была очень резкая статья. Думаю, может быть, кто-то даже донёс её до Путина. Но во время публичных слушаний одним из важных вопросов было то, почему мог

возникнуть этот заказ. Уже практически после окончания публичных слушаний мы получили информацию из Испании о том, что 8 ноября 2006 года Саша должен был поехать в Мадрид давать показания.

– О чём он должен был давать показания?

– Мы не можем сказать. В предыдущих интервью Саша говорил: если меня захотят убить, то не за то, что я высказываю критические мнения о политике, даже не за то, что я убежал, а за то, что я сумею остановить поток денег, которые они зарабатывают. Он дал понять, что деньги для этого режима – всё. Это идеология, религия. И если ты покушаешься на эти способы заработка, становишься врагом номер один.

– А когда он понял, что спецслужбы – это преступная организация? Это же не сразу произошло?

– Нет, конечно. Первым направлением его работы в центральном аппарате была борьба с серьёзными экономическими преступлениями. Это 1991–1992 годы. Следующий этап – так называемая грузинская линия. В начале 90-х шла гражданская война в Грузии. Очень много богатых семей из Грузии переехали в Москву, и начались массовые похищения родственников с целью выкупа. Но постепенно, особенно после 1996 года, преступления стали совершаться на таком уровне, что Саша, как оперативный работник, понимал: он уже не может собирать информацию и доказательства, чтобы уголовное дело попало в прокуратуру. Люди, которых подозревали в преступлениях, были связаны либо с офицерами ФСБ, либо с политическими кругами или людьми с большими деньгами.

– Что касается полония, Ковтун и Луговой наследили везде, где только можно. Вас это вещество тоже как-то коснулось? С вами наверняка проводили какие-то обследования? Вы же всегда были рядом с Александром.

– Напрямую, конечно. Во-первых, полоний обнаружили уже практически после Сашиной смерти. Когда мы получили звонок из госпиталя о том, что нужно срочно приехать, я взяла сына, который уже готовился ложиться спать. Мы приезжаем в госпиталь, и я понимаю, что сейчас услышу, потому что это была совершенно другая встреча по сравнению с предыдущим днём, когда у Саши произошла первая остановка сердца. Тогда мне объяснили, что сердце удалось завести. А в этот раз нас попросили пройти в другую комнату. Мы ждали доктора, который пришёл и сказал: "К сожалению..." Почему я знаю, что полоний ещё не был официально обнаружен? Мне разрешили пойти к нему в комнату, проститься с ним. Это была, наверное, последняя возможность для меня и кого-либо ещё вот так непосредственно увидеть Сашу, прикоснуться к нему, проститься.

– Он уже не говорил?

– Он уже умер. Мне сказали, что он умер, и я пришла проститься. Это было прощание с человеком, которого уже нет. А потом стало известно, что это полоний.

Как я читала в мемуарах доктора, который работал в этом госпитале, он никогда в жизни не видел такого вскрытия, когда люди проводили его в защитных костюмах. Перед этим тело ещё два дня лежало в госпитале, потому что не знали, с какой стороны подступиться. Когда стало известно, что это полоний, всех людей, которые находились в тесном контакте с Сашей, конечно же, обследовали.

Я два дня ждала результатов. Могу сказать, что пережила определённую гамму чувств, потому что начала считать, сколько мне осталось жить.

Когда пришли представители Health Protection Agency, так называется эта организация здесь, они с радостью и со слезами на глазах сказали, что уровень полония в моём организме превышает норму, но это не та доза, которую получил Александр и от которой он умер. Моя жизнь будет продолжаться, но они не могут определить, какова вероятность других серьёзных заболеваний в течение жизни. Это могло увеличить вероятность того, что я заболею онкологией. На тот момент они мне ничего не могли сказать.

Я была счастлива, потому что понимала, что не умираю сразу, что у ребёнка, которому 12 лет и у которого погиб папа, хотя бы сейчас рядом есть мама. Это поставило передо мной задачу на всю жизнь: ты должен быть счастлив каждым днём своей жизни.

– Насколько вы были вовлечены в дела Александра? Всё-таки секретная служба – это секретная служба. Жене необязательно знать все тонкости.

– Саша каждый раз старался объяснить мне, что если я не получаю информации первый день, то не должна нервничать. И второй день не должна нервничать. А вот если я три дня ничего о нём не слышу, тогда уже можно начинать переживать. Если с ним что-то случится, я получу эту информацию сразу. Он готовил меня к тому, что его работа не связана с определённым графиком с девяти утра до пяти вечера. Иногда у него могли быть командировки, связанные с риском.

– Когда вы задавали вопросы, он всё подробно рассказывал или говорил: "Тут я молчу, тут могу что-то рассказать"? Ведь есть оперативная информация, которую не должен знать никто.

– Естественно, он не посвящал меня в серьёзные детали, если информация носила секретный характер. Но приведу пример. Это был, наверное, 1994 год. Уже тогда у Саши сформировалось ощущение, что бизнес, который мы называли криминальным, и спецслужбы начинают срастаться. Само название "крыша" оттуда пошло: на компании, которые создавались, нападали откровенные уголовники, приходили и говорили: "Либо вы нам платите, либо мы вам сейчас тут всё сожжём и разнесём". Какой был выбор? Обращаться либо в полицию, либо в только что созданную спецслужбу и платить им. Возник принцип: спецслужба или полиция будет моей крышей, за деньги они меня защитят. В итоге люди из уголовного мира стали договариваться с полицией или спецслужбами. Для Саши это стало первым признаком риска срастания спецслужб с уголовниками в бизнесе.

– Что касается расследования отравления, оно окончательно завершено, все точки расставлены или есть какие-то тёмные пятна?

– Тёмное пятно – всё-таки нужно до конца понять, дали ли этот заказ, приказ, непосредственно Путин и Николай Патрушев, который в то время был директором ФСБ. В материалах публичных слушаний говорится об очень высокой вероятности того, что преступление было заказано на самом высоком уровне. Есть стопроцентные доказательства против Лугового и Ковтуна, здесь уже нет никаких сомнений. Что касается отдельных обстоятельств, я не могу утверждать, всё ли известно. Если мы возвращаемся к публичным слушаниям в Лондоне, там было две части – открытая и закрытая. Именно в ходе закрытой части были представлены доказательства, которые позволили сэру Роберту Оуэну сделать такие выводы.

– С Путиным Александр встречался, докладывал ему об этом или таких встреч не было?

– Встреча была одна, в 1998 году.

– Какую должность Путин тогда занимал?

– Директора ФСБ. История, которая привела к пресс-конференции, началась гораздо раньше. Саша получал явно противоправные приказы. Ему поручали похитить брата чеченского бизнесмена Джабраилова, чтобы получить за него выкуп, встретить бывшего сотрудника КГБ, отнять у него удостоверение и избить его. Последним был вопрос о том, смог бы он убить Бориса Березовского. Всё это сложилось в одну общую картину, после чего весь отдел, который находился в Управлении по разработке преступных организаций (УРПО), восстал. Это противостояние вызвало отставку Николая Ковалёва, который был тогда

директором ФСБ. При всей критике Ковалёва Саша относился к нему с определённым уважением, потому что тот был кадровым офицером, прошёл определённый этап становления. А когда директором ФСБ стал Путин, у Саши было недоумение, потому что он никогда не был кадровым офицером. Потом стало понятно, что он в своё время служил в КГБ, во внешней разведке, находился в Дрездене в определённом качестве.

Встреча назрела потому, что внутри ФСБ собирались закрывать дело, возникшее после выступления офицеров УРПО. И вопрос о том, кто хотел убить Бориса Березовского, ушёл бы в никуда.

Путин стал директором ФСБ летом 1998 года. Дело о предполагаемом заказе на убийство Березовского закрывалось, и возникла необходимость во встрече. Её организовал Борис Березовский, потому что был уверен, что Путин из той команды, которая собирается продолжать начатые в России изменения, что он неподкупный, что, будучи заместителем мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, проявил лояльность и преданность. Было много таких качеств.

Но когда Саша встретился с Путиным, он решил показать ему ещё больше. Он хотел рассказать о процессах, которые стали происходить в ФСБ, о коррупции, о том, что покрываются серьёзные преступления. И сразу стало понятно, что Путину это неинтересно. Более того, Путин сам из Санкт-Петербурга. Можно напомнить, что в начале 90-х Санкт-Петербург стал неофициальной криминальной столицей России. Вряд ли можно представить, что Путин, будучи вице-мэром, этого не знал. Получается, Саша пришёл с документами, которые могли вывести на самого Путина как участника многих криминальных схем.

– Вы знали, что он идёт на встречу с Луговым и Ковтуном?

– Да, я это знала, потому что это не была первая встреча. Это была уже третья встреча. И потом уже в ходе расследования выяснилось, что это не первая попытка отравления была. Первая, первая попытка отравить Сашу случилась 16 октября. И это как раз день, после которого ему стало плохо. У него впервые тоже была тошнота, его рвало. Когда это случилось, мы тоже так немножечко, пошутили, что наверное, надо меньше есть острой пищи. Но, видимо, доза была такая, что Саша не почувствовал очень себя плохо и не был нейтрализован. Это стало известно только после анализов, когда волосы, которые у Саши выпадали, и которые мы сохранили, оказались в руках у полицейских. И когда они делали спектральный анализ, они обнаружили, что попытка отравления была осуществлена ещё раньше.

– А вы не отговаривали его встречаться ?

– Ну, вот здесь как раз тот процесс, что, Саша сам знал, что он делает. Это его профессиональная деятельность. И я хочу сказать, что Ковтуна он встретил только в октябре и его представил Луговой. А Лугового он знал уже давно и знал его ещё в бытность, когда он служил в ФСБ. А Луговой в то время стал уже начальником службы безопасности Первого канала. И он был так называемым человеком, бизнес-партнёра Бориса Березовского Бадри Патаркацишвили. И Бадри всегда верил Луговому.

– Спецслужбы знали, кого отправлять, к Александру Литвиненко?

– Конечно. Мало того, что, ему ещё создали легенду пострадавшего. Потому что Луговой отсидел в тюрьме. Он якобы пытался организовать побег Николаю Глушкову, бизнес-партнёру Бориса Березовского. Когда Луговой появился в Лондоне на дне рождения Бориса Березовского, мы оказались за одним столом. И, у него была возможность общаться с Сашей.

– В какой момент он понял, что это был чай, и именно там всё это зло творилось?

– Мне кажется, он это понял сразу. Потому что, как только ему стало плохо 1 ноября, и ещё он в состоянии был разговаривать, а я, естественно, ему как-то помогала, хотя интенсивность была такая, я никогда такого в жизни не видела. И я говорю: "Саша, ну ты же не мог съесть что-то такое, что тебе так плохо?"

Он говорит: "Это выглядит очень подозрительно, и на мой взгляд, это больше похоже на отравление". В этот момент я начала говорить: "Ну какое же отравление? Ну этого не может быть. Кто в Лондоне вот тебя сейчас вот так вот будет травить?" И я опять уже начала переключать на то, что может быть, это всё-таки какое-то пищевое отравление. Он говорит: "Нет". И вспоминает те встречи, которые были в течение дня, для него чай в Миллениум отеле был сразу же практически подозрительным.

Но он не хотел на этом концентрироваться, потому что он думал, что это отравление, которое он сможет пережить, что Луговой, которого он стал подозревать, можно просто взять в разработку и не дать возможности ему испугаться и приехать в Лондон опять. Вот уже тут тогда бы Саша бы понял, как с этим можно поступить. Но никто же не знал, какого рода это отравление.

– В этой компании ярчайшая фигура – это Борис Березовский. И к нему неоднозначное отношение всегда было. Вот у вас к нему какое отношение было до смерти Александра и после? Что-то поменялось?

– Ну, понятно, что в свою бытность, когда Саша служил в ФСБ, их отношения с Борисом Березовским были исключительно регламентированы. Он никогда не работал на Березовского. Больше того, его участие в жизни Березовского – это было мониторить, что происходит вокруг него. Потому что после того, как его пытались убить в 1994 году, и вот это расследование уголовного дела, и как Саша оказался в этой оперативной группе, оно вот так вот всё совпало. И любой контакт Саши с Березовским, он всегда был обязательно, нужно было протокол, нужно было записать. Оказавшись в Лондоне, конечно, наши отношения с Березовским стали ближе, потому что вот этот круг людей начал создаваться, людей, которые оказались в стране, потому что невозможно больше жить в России. И мы помним, как Березовский одним из первых был громким критиком Путина, иногда очень экстравагантным, когда он мог сказать: "Я тебя породил, я тебя и убью". Конечно, ему очень хотелось демонстрировать, что это он привёл Путина к власти. Я помню, когда Саша начал консультировать британские и испанские спецслужбы, это стало причиной охлаждения их отношений, потому что Борис Березовский себя всё-таки позиционировал гражданином, который хочет вернуться в Россию, и любая ассоциация с иностранными спецслужбами казалась, компрометирующей.Но после Сашиной смерти Борис Березовский просто сказал, что это моя вина, что мы его не уберегли. Он признался в том, что во многом мы не понимали, что Саша хотел сказать. Те вещи, которые он пытался донести, казались настолько страшными и дикими, что в них было трудно поверить. Но к сожалению, всё то, о чём говорил Саша, мы теперь являемся свидетелями.

– Скажите, а у вас есть какие-то претензии британским властям, которые вот сразу после этой страшной истории не перекрыли доступ к бизнесменам из России, и торговля не остановилась, санкций никаких тогда ещё не было. Не была ли смерть Литвиненко, на ваш взгляд, предупреждением Западу, а Запад просто это проморгал?

– Это мы сейчас можем говорить. А в тот момент я, может быть, не настолько радикальна, потому что, например, для Бориса Березовского это как раз был повод, чтобы заморозить им все банковские счета. То есть он Борис Березовский говорил о тех средствах, которые использовали уже после начала войны в Украине, в 2022 году. А это можно было сделать в 2006, британские власти оказались один на один с этим страшным врагом, с путинским режимом. Они не получили поддержку Объединённой Европы, не было поддержки со стороны Америки, как раз вот это стало важным фактом понимания для Путина, что он всех поодиночке может вот так вот расчленять. А Европа, она ещё больше, каждая страна пыталась сделать свой бизнес. As usual, как говорится, потому что нефть и газ являлись очень заманчивым таким бизнесом, потому что это было дешевле, можно было строить как-то экономику внутри своей страны. То есть я, как не будучи политиком, я понимала, как они мыслят.

Но как человек, который потерял своего мужа и который предупреждал, к чему это всё приведёт, я понимала, что это колоссальная ошибка. Но для меня важнее было всё-таки двигаться, не просто со всеми поругаться и обидеться, а довести это дело до публичных слушаний. Я не буду обвинить всех политиков, которые до последнего думали, что они могут с Путиным найти какие-то точки соприкосновения. Даже сегодня, когда идёт эта война, президент Америки заявляет, что Путин – это его друг.

– Как вы сейчас реагируете на Лугового, который стал публичным политиком и там даже проводит разные инициативы в отношении запретительных законов?

– Для меня человек, который просыпается каждое утро, смотрит на себя в зеркало и знает, что весь мир знает, что ты убийца, наверное, это уже не самая лучшая жизнь. И он может каждый раз какое-то такое бравое лицо изображать, клеймить MI6, но человек живёт вот с этой печатью на лбу, что он убийца.

– Ну может быть, он не особо переживает.

– Ну тогда зачем нам о нём говорить? Тогда он не человек.

Мумин Шакиров

Грани времени | Интервью